

УДК 1.001

К ИСТОРИИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

С.В. Балданов

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва.

Прослеживается постепенное включение метода мысленного эксперимента в научный инструментарий социально-исторического познания. Показывается каким образом использование контрфактического мысленного экспериментирования из «досуга для ученого ума» переросло в достаточно значимый научный метод и стало основой для возникновения новых направлений в современной социально-экономической истории. Выявляется необходимость учета «объективных возможностей» и идеально-типических построений в этой сфере исследований. Демонстрируется применение метода мысленного эксперимента в социологии. Характерной особенностью содержания мысленного эксперимента в социальных науках становится включение в него моделирования и количественных оценок.

Ключевые слова: *мысленный эксперимент, path dependence, Т. Шеллинг, контрфактические мысленные эксперименты, QWERTY-эффект.*

Долгое время считалось, что метод мысленного эксперимента мало что дает в такой научной дисциплине, как история. В этой науке мысленный эксперимент обычно выступает в виде контрфактических построений. Однако существует известный тезис – «история не знает сослагательного наклонения», ставящий под сомнение умозрительные построения в этой области. В свете преобладающего описательного подхода к исследованию исторических событий в академической науке действительно не оставалось места для каких-либо предположений о возможных вариантах прошлого.

Необходимым условием для включения метода мысленного эксперимента в инвентарь исторической науки является такая реконструкция исторических событий, которая показывает возможность их иного развития. Серьезным работам в этом направлении предшествовали попытки, выполненные скорее на уровне фантазий, а не убедительного анализа. Коллекция таких альтернативных историй представлена, например, в вышедшем в 1931 г. коллективном сборнике по редакцией Дж.К. Сквайра «Если, Или история переписанная» [15]. В этой книге можно найти такие сюжеты: как могла бы пойти история, если бы в Испании победу одержали мавры, Наполеону удалось сбежать в Америку, Людовик XVI смог покинуть восставший Париж, генерал Ли одержал победу при Геттисберге (этот текст написал Уинстон Черчилль) и др.

Рассмотрим кратко одно из таких построений – «Если: якобитская фантазия» Ч. Петри. В нем предполагается такая контрфактическая ситуация, в которой Чарльз Эдвард Стюарт выигрывает битву при Каллодене в 1745 г., в результате чего Георг II Ганноверский изгоняется из Англии на родину. «Старый Претендент» (Джеймс Фрэнсис Эдвард Стюарт) династии Стюарт восста-

новлен на британском престоле, занимается примирением религии и власти и предстает большим покровителем искусств. Когда «Красавчик Чарли» становится после смерти отца в 1766 г. Карлом III, его ловкие дипломатические навыки препятствуют американской революции. Генри Бенедикт Стюарт в этой истории предстает уже не католическим кардиналом, он женится и имеет наследника. Он становится преемником своего бездетного брата и в 1788 г. восходит на престол как Генрих IX, правивший до своей смерти в 1807 году. В этом же духе виртуальная история продолжается до начала XX в. Нетрудно видеть, что здесь игнорируются такие исторические факты как слабость войска Чарльза Стюарта сравнительно с правительственной армией, значение уже подписанной унии Англии и Шотландии, узкая база поддержки якобитов на территории Англии.

Такое несоответствие историческим фактам не позволяло подобным построениям развиваться в исторические теории, и они оставались на уровне фантазий и развлечения историков после научных исследований. Этому способствовала и их критика со стороны многих историков и философов. Так, американский философ С. Хук в 1943 г. весьма убедительно разобрал слабые стороны названной книги в статье «“Если бы” в истории» [10]. Но критика и скептическое отношение к подобным построениям не привели к отказу от них. Напротив, во второй половине прошлого века этот жанр стал весьма популярным. Во многом это было вызвано многообразием различных событий Второй мировой войны. Их альтернативными и контрфактическими интерпретациями нередко занимались и серьезные историки. В нашей стране в советское время жанр альтернативной истории табуировался в свете господствовавшего марксистского детерминизма, но начал бурно развиваться с 1990-х гг., правда, чаще это осуществлялось в жанре «folk history», в последние десятилетия заполнившей Интернет [7].

Но может ли быть более серьезное и позитивное отношение к анализу «возможных историй»? Здесь стоит привести пример достаточно глубокого и обстоятельного анализа этой проблемы Максом Вебером. В одной из работ он обсуждает проблему «объективных возможностей» в истории, отталкиваясь от контрфактических рассуждений немецкого историка Э. Майера о том, как могла бы сложиться история Европы, если бы войска персов одержали победы при Марфоне, Саламине и Платеях. Вебер считает, что «историческая наука, если она действительно хочет быть таковой, *всегда* должна представлять себе различные возможности развития» [1, с. 472]. При этом историк должен мысленно экспериментировать с различными условиями тех или иных событий и процессов и учитывать эмпирически фиксируемые каузальные связи. В результате, «мы, абстрагируя, изолируем часть “условий”, предназначенных в “материале” исторических событий, и превращаем их в предмет “суждений о возможностях”, чтобы тем самым, отстраиваясь от эмпирических правил, обрести понимание каузального “значения” отдельных компонентов событий. Для того чтобы понять природу реальных причинных связей, мы *конструируем* связи *нереальные*» [1, с. 483].

С идеями М. Вебера пересекаются и соображения некоторых современных специалистов по методологии социально-исторического познания. Так, А. Мегилл предлагает различать между двумя типами контрфактической истории – «умеренной» и «неограниченной». «“Умеренная” контрфактическая история занимается подробным обсуждением тех альтернативных возможностей, которые

существовали в реальном прошлом, тогда как «неограниченная» контрфактическая история работает с прошлыми историческими последствиями, которые фактически никогда не возникали» [6, с. 450]. Приводимые А. Мегиллом примеры «неограниченной» контрфактической истории аналогичны тем, которые были в упомянутом выше сборнике по редакцией Дж.К. Сквайра и которые существенно отличается от обычного исторического исследования. По его мнению, их лучше было бы называть «виртуальной историей», далекой от актуального прошлого. «Но виртуальную историю не надо путать с контрфактической историей в целом. Виртуальная история начинается с того момента в реальном прошлом, в котором события могли бы начать развиваться по другому пути, и движется *вперед* во времени, все более дистанцируясь от того мира, который действительно существовал. «Умеренная» контрфактическая история движется в противоположном направлении. Она начинается с некоего действительного события (такого, например, как Гражданская война в Англии) и затем оглядывается *назад* во времени, рассуждая о том, как должны были бы развиваться события, чтобы Гражданская война *не* произошла (или чтобы ее ход был совершенно иным)» [6, с. 453].

Этот краткий анализ показывает, что контрафактическое экспериментирование может иметь познавательное значение, если оно опирается на реально имевшиеся в прошлом «объективные возможности», развертывается в рамках эмпирически устанавливаемых каузальных связей, обычно выражаемых в форме закономерностей, и носит скорее характер ретросказания, а не ветвящегося движения от некоторой точки в виртуальное будущее. Конечно, и здесь возникают проблемы, поскольку приходится допускать в истории проявления определенных закономерностей или тенденций, которые прокладывает определенные пути в сложном переплетении разнообразных действий. Это ведет к обсуждению проблемы наличия законов в истории, которая слишком сложна, чтобы касаться ее мимоходом. Для наших целей достаточно обратить внимание на те виды истории, в которых определенные закономерности имеются или, по крайней мере, возможен их естественный перенос из смежных «номологических» наук.

Первые значимые примеры таких исследований появились во второй половине XX в. в экономической истории, точнее в экономической клиометрике – направлении, в котором историческая проблематика соединялась с современным экономико-статистическим анализом. Пионерскими здесь считаются работы американского ученого Роберта Фогеля, который в 1964 г. опубликовал ставшую широко известной книгу «Железные дороги и экономический рост Америки». В ней он поставил под сомнение традиционное убеждение, что развитие железных дорог является исходным и необходимым условием экономической модернизации любой страны, в том числе и Америки XIX в. [5]. Хотя эта и другие работы Фогеля вызвали бурные дискуссии, научное сообщество признало значимость его исследований, о чем говорит присуждение ему Нобелевской премии по экономике в 1993 г.

В чем же суть его подхода? Исходя из реального уровня развития экономики США к 1900 г., Фогель рассмотрел с помощью весьма точных моделей и расчетов контрфактическую ситуацию – как развивалась бы страна, если бы вместо паровозов и стальных путей все перевозки осуществляли, как и прежде, лишь пароходы и дилижансы. При этом он учитывал и влияние железнодорож-

ного строительства на транспортные издержки, и его содействие развитию смежных отраслей: производство стали для рельсов, развитие угледобычи и т. п.

Полученный Фогелем результат оказался весьма неожиданным. Точные математические оценки показали, что вклад железных дорог оказался весьма незначительным. К концу XIX в. валовый продукт США был бы ниже всего лишь на 2–5 %, что могло означать задержку экономического развития страны не более чем на два года. Конечно, такая замена привела бы к изменению экономического районирования, города оказались бы более привязаны к рекам, развивалось бы строительство каналов. Отличием исследований Фогеля от работ предшествующих ученых стало использование экономико-математического аппарата и законов экономической науки для исторической реконструкции объективно возможного хода событий. В результате он ввел в оборот экономической истории метод контрфактических мысленных экспериментов, показав как возможно обсуждение «если бы...» в рамках научного подхода. В дальнейшем он публикует исследование об экономике американского Юга, где было показано, что отказ от использования труда рабов не был связан с его экономической неэффективностью, и отмена рабства была вызвана прежде всего идеологическими причинами.

Нередко говорят – «идеи витают в воздухе». Так это или не так, но в эти же годы в далекой от истории и экономики дисциплине – термодинамике – появилась концепция, в рамках которой важное место заняло представление о множественности возможных путей развития неравновесных систем. Одним из главных ее создателей был бельгийский ученый, лауреат Нобелевской премии в области химии Илья Пригожин [8]. Он разработал теорию неравновесных термодинамических систем, которые при определенных условиях могут совершать качественный скачок к усложнению. Характерной особенностью этого скачка является то, что он не может быть предсказан исходя из классических законов. Развивая синергетический подход, Пригожин в дальнейшем реконструировал этот тезис для социальных наук, предположив, что и общество представляет собой неравновесную систему. В рамках такой системы возможны моменты перелома, когда привычный ход эволюции системы может измениться, пойдя по другому пути. Такие точки перелома называются точками бифуркаций. Выбор нового пути развития в точке бифуркации происходит в условиях неопределенности, таким образом, выбор из нескольких вариантов развития происходит не вследствие действия непреложных законов, а по большому счету случайно, что оставляет место для обсуждения других возможных вариантов развития событий. Здесь важно обратить внимание на то, что в отличие от прежних контрфактических построений, в которых обычно обращалось внимание на возможные варианты поведения отдельных личностей, Пригожин перемещает точки бифуркации с личностей на элементы системы: «существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуаций, которая сначала была локализована в малой части системы, а затем распространилась и привела к новому состоянию системы» [8, с. 56].

Смещение фокуса контрфактической истории от отдельных личностей и событий к системам и структурам привело к формированию весьма актуального направления в экономических и социально-исторических исследованиях, известного как «path dependence» – теория зависимости от предшествующего развития. Как отмечают С. Марголис и С. Либовиц в энциклопедической статье,

«зависимость от предшествующего развития – это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» [13, р. 318]. Возвращаясь к классической идее истории, следует отметить, что основная её черта – это детерминированность событий прошлого. Этот детерминизм обусловлен не только метафизическим аппаратом гегелевского типа, но и следующим из неоклассической экономической теории представлением о том, что при выборе из возможных экономических альтернатив всегда побеждает наилучшая. И если идея Пригожина дала основания для пересмотра метафизического детерминизма истории, то исследования Фогеля внесли коррективы в представление об обусловленности экономического выбора оптимальными решениями.

Начало развития теории «path dependence» заложил Пол Дэвид публикацией в 1985 г. небольшой статьи «Кли и экономическая теория QWERTY» [4]. В ней он обратился к анализу ситуаций, в которых сделанный некогда исторический выбор происходит вследствие преходящих и в целом случайных причин. В результате может быть выбрана менее успешная технология или стандарт, которые сохраняются при наличии более эффективных возможных альтернатив. И здесь в качестве действующего метода исследования выступает контрфактический мысленный эксперимент. Первым таким примером, служившим образцом для дальнейших исследований «QWERTY-эффектов», было исследование П. Дэвида, посвященное рассмотрению проблемы со стандартом использующейся у нас клавиатуры. Дело в том, что существующая сейчас раскладка кнопок клавиатуры QWERTY является заимствованной от первых механических печатных машин, изобретенных и запущенных в производство еще в XIX в. Их неприятным дефектом было частое залипание тонких рычажков с литерами при нажатии на соседние клавиши. Поскольку с этим не получилось справиться техническим путем, выбрали более простой способ: был проанализирован словарь, и наиболее часто встречающиеся рядом буквы были разнесены на клавиатуре друг от друга. Таким образом, был сформирован стандарт размещения литер на клавиатуре. При появлении электрических, а затем и электронных печатных устройств, в которых проблем с залипанием уже не было, принятый стандарт сохранялся. П. Дэвид указал на следующие причины такой инерции: в результате первичного выбора может возникнуть самоусиливающийся эффект, связанный с победой той или иной технологии на рынке; начинают сказываться сетевые эффекты, поскольку победившая технология начинает обрастать взаимосвязанными технологиями, практиками, системами обучения и т. п.; в итоге возникает «замыкание системы», эффект блокировки – воспроизводство технологий и стандартов, несмотря на их неэффективность. Эти выводы подтверждаются тем, что предложенные позднее различные варианты размещения клавиш, к примеру, более эргономичная клавиатура DSK А. Дворака, несмотря на ощутимый прирост в скорости набора даже у необученных пользователей, не смогли заменить традиционную раскладку. Другими примерами подобных эффектов является рассмотрение таких альтернатив, как разница между шириной колеи железных дорог, когда в Европе была принят стандарт узкой колеи, наследник ширины римских дорог, а в России была выбрана широкая колея; ситуация в американской атомной энергетике, когда для мирных технологий приспособили реакторы, первоначально разработанные для военного флота и т. п. Но важнее то, что эта методология, поначалу применяемая лишь для

оценки экономических или технических стандартов, в дальнейшем была распространена на более широкую сферу экономических и социальных институтов.

Одним из таких крупных исследований, интересных для нас, поскольку оно касается российской проблематики, стала работа Роберта Аллена [11]. В ней он реконструирует различные возможные варианты индустриализации СССР в 1930-е гг. В качестве предпосылок Аллен выделяет три основных фактора, которые определяли советскую экономику на рубеже 1920–1930 гг. К ним он относит известные нам «коллективизацию», «жесткое планирование», а также явление экономической жизни времен НЭПа – «мягкие бюджетные ограничения». Под последним подразумеваются специальные льготы для предприятий при взятии кредитов, без особого внимания к их прибыли. Для сравнения им были построены три модели: первая имитировала экономику, где проводилась коллективизация, вторая была имитацией «долгого НЭПа», третья модель – модель НЭПа без мягкого бюджетного правила. Сравнение количественной обработки результатов развития по этим моделям позволило сделать такие выводы: развитие в рамках модели «долгого НЭПа» немного отстает от модели коллективизации, но значительно обходит третью модель по экономическим показателям. Итогом его работы стал вывод о том, что хорошего и стабильного развития (без тех страданий и жертв, которые были в 1930-е гг.) можно было достичь при продолжении программы НЭПа, усиленной мягкими бюджетными ограничениями, т. к. предприятия в условиях высокого заказа и не опасаясь за финансовое обеспечение получали наиболее благоприятную возможность для развития. Как заключает сам Р. Аллен, «мысленный эксперимент показывает, что инвестиционная стратегия и мягкие бюджетные ограничения заключают в себе исчерпывающее объяснение советского роста – нет необходимости привлекать другие факторы для объяснения того, что произошло» [11, р. 24].

Можно также привести в качестве примера известное исследование постсоветской экономики, предложенное академиком В.И. Полтеровичем, в котором было показано, что бартерное развитие экономики России в 1992–1998 гг. хотя и давало временное решение проблемы малоэффективных предприятий, однако не позволяло осуществить полноценную реструктуризацию и тем самым оживить экономику. В результате потребовалось проведение дефолтного шока для замены устоявшегося неэффективного института, что позволило вывести экономику из депрессии.

Таким образом, рассмотрение социально-экономических институтов в ретроспективе и сравнение количественных и качественных показателей позволяет сделать выводы об эффективности выбранных институтов и их возможных альтернатив. Однако следует отметить, что в рамках такого рода исследований сам мысленный эксперимент постепенно лишается важного свойства – непосредственного экспериментирования с конкретными ситуациями и решениями людей. Если сравнить между собой ранние и современные исследования альтернативной истории, то станет заметным тот факт, что контрфактическая история в ранних вариантах представляла собой пусть часто и фантастическое, но событийно-экспериментальное построение, не встречавшееся ранее положение вещей. В то время как современные исследования, взяв на вооружение экономико-статистический аппарат, в значительной мере утратили непосредственно экспериментальный элемент, он был во многом заменен на моделирование и расчеты,

сохранив от ранних мысленных экспериментов только контрфактическую форму и статус теоретических размышлений.

В большей степени наглядность и манипуляции с различными ситуациями и решениями людей сохраняются в социологии, хотя признание в этой науке познавательной значимости мысленного экспериментирования еще отстает от рассмотренных выше дисциплин. Вместе с тем здесь есть и свой важный источник этого подхода – метод «идеальных типов» М. Вебера. В своих работах немецкий социолог постоянно подчеркивал, что идеальный тип никоим образом не может пониматься как статистически усредненный тип социального явления. Идеальные типы являются мысленными конструкциями, в которых ученый, отталкиваясь от эмпирически фиксируемых «составных частей действительности», абстрагируется от некоторых таких частей, мысленно усиливает другие, строя некий динамичный и непротиворечивый космос мыслимых взаимосвязей [2, с. 389–390]. Известный современный социолог Э. Гидденс считает, что благодаря такой методологии М. Веберу удалось построить очень хорошие социальные теории, в частности, теорию связи генезиса рационального капитализма с протестантской этикой. Важным достоинством этой теории является то, что «она контринтуитивна – предлагает интерпретацию, расходящуюся с предложениями здравого смысла. Таким образом, данная теория предполагает новое видение решаемых ею вопросов» [3, с. 660].

Как представляется, в нынешних социальных теориях можно найти современные варианты подобного мысленного экспериментирования. Хорошим примером этого является работа Томаса Шеллинга «Микромотивы и макрораспределение», посвященная территориальной сегрегации населения в крупных городах Америки. В ней он пытается дать ответ на вопрос, как возможно формирование сегрегированного поселения в городе даже в случае, если для людей в целом не характерны расовые предрассудки. С его точки зрения маловероятно, что жители сами по себе предпочитали покупать жилье и селиться в «гетто». Но мысленное экспериментирование с достаточно простыми моделями показало, что гетто могут образовываться непредумышленно, спонтанно – вследствие взаимодействия достаточно толерантных индивидуумов. В результате этого он получил достаточно убедительное объяснение «самоформирующегося соседства». Как отмечает Шеллинг, наглядное представление о динамике явления может быть получено, «если вы выделите полчаса своего свободного времени, запасетесь двумя столбиками монет в один и десять центов, письменным столом, большим листом бумаги, духом научного сомнения, или, в его отсутствие, любовью к игре» [14, р. 147]. На листе бумаги нужно расчертить поля 8 на 8 клеток как на шахматной доске и более-менее равномерно распределить монеты двух номиналов, оставляя иногда свободные места. После этого вводится условие: будем считать каждую монетку «довольной», если, по крайней мере, треть монет вокруг одного с ней номинала. Затем мы начинаем поиск «недовольных». Всякий раз, обнаруживая такую монету, мы сдвигаем её на ближайшую пустую клетку, не обращая внимания на появление новых «недовольных». Если долго продолжать этот процесс, то в итоге появляются сегрегированные области монет по одному и по десять центов.

Следует отметить, что такие с виду абстрактные построения не являются полностью умозрительными. Как и М. Вебер, Т. Шеллинг полагает, что предварительно нужно фиксировать некоторые значимые эмпирические ситуации. В част-

ности он отмечает, что на разработку описанной экспериментальной модели его навело наблюдение поведения игроков бейсбольных команд, когда они занимали после игры места за столами в кафетерии. «Игроки могут игнорировать, принимать и даже предпочитать столы смешанного состава. Но в тех случаях, когда состав сотрапезников неравномерен, они чувствуют дискомфорт или стеснение... Присоединение к столу с черными или с белыми игроками – дело случая. Но ситуация, когда игрок оказывается седьмым за столом с игроками противоположного цвета кожи, становится своего рода порогом, после которого возникает чувство стеснения, негативно влияющее на атмосферу и способное привести к полному и устойчивому разделению» [14, р. 144].

Таким образом, в данном мысленном эксперименте можно обнаружить умозрительную модель, в рамках которой выделяется роль одной или двух каузальных связей, с помощью которых объясняются причины, почему ситуация складывается определенным образом. При этом от других возможных факторов (цены на жилье, экологические, транспортные условия и т. п.) можно абстрагироваться как от нерелевантных. Это не дает строго необходимого объяснения, поскольку остается в рамках контрфактического мысленного экспериментирования: «Шеллинг отнюдь не утверждает, что “R имеет место, F оказывает воздействие и F вызывает R”. Он говорит только то, что “R могло бы иметь место, F могло бы оказать воздействие и могла бы сложиться ситуация, когда F вызывало R”» [9, с. 489]. Тем не менее, в результате возникает новое видение проблемы, а также возможность указать на концептуальную ошибку теории сильных сегрегационных предпочтений, поскольку сегрегация городского расселения может возникать и без них.

* * *

В социальных науках в отличие от естественных, возможности реального экспериментирования сильно ограничены. Есть очевидные трудности экспериментальных исследований больших социальных сообществ, нелегко соблюсти чистоту и точность в экспериментах с малыми группами. В известной степени мысленные эксперименты восполняют в этих дисциплинах конструктивную и критическую функции, которые, помимо прочего, выполняют в научном познании реальные эксперименты. Многие методологи отмечают, что с середины прошлого века метод мысленного эксперимента находит все большую применимость в социальном познании как в связи с обогащением методологического арсенала социальных наук, так и с распространением представления о множественности возможных путей социального развития. Такие социальные науки, как экономика и социология, тесно связаны с историей и сами включают в свой состав значительное историческое содержание. Поэтому не случайно, что одним из главных истоков распространения этого метода был жанр контрфактических мысленных построений в истории. Последние поначалу вызвали оправданное сомнение и критику, но весьма продуктивное применение этого метода в более строгой и точной области количественных историко-экономических исследований позволило преодолеть это предубеждение.

Вместе с тем характер социальных наук накладывает свой отпечаток на используемые в них мысленные эксперименты. Если в собственно исторических контрфактических построениях преобладало обсуждение мало чем ограниченных и в этом смысле субъективных альтернатив, то в социальных науках контрфактические мысленные эксперименты ограничиваются моделированием объ-

ективных возможностей и их достаточно точными количественными оценками. Это позволило одному из ведущих специалистов по методологии экономики У. Мьяки утверждать, что «многие теоретические модели тождественны экспериментам, а многие эксперименты – моделям» [12, р. 314]. Это не отменяет положительных результатов применения мысленного экспериментирования в рамках социальных наук как эвристического средства и метода обнаружения недостаточно обоснованных допущений в общепринятых теориях.

Список литературы

1. Вебер М. Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом рассмотрении каузальности // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 464–486.
2. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
4. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. Т.6. С. 139–150.
5. Латов Ю. В. «Что, если бы ...» в современной клиометрике // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 3. С. 47–60.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
7. Нехамкин В.А. Контрфактический вызов прошлого: пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 3. С. 248–256.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
9. Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // Философия экономики: антология / под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 520 с.
10. Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 205–214.
11. Allen Robert C. Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization // European Review of Economic History. 1998. Vol. 2, №. 1. P. 1–24. пер. Д. Никитина / [Электронный ресурс] URL: <http://antisgkm.narod.ru/Allen0.htm> (дата обращения: 29.03.2017).
12. Maki U. Models are experiments, experiments are models // Journal of Economic Methodology. 2005. V. 12. № 2. P. 303–315.
13. Margolis S.E., Liebowitz S.J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law. P. Newman (ed.). L.: Macmillan, 1998. 657 p.
14. Schelling T.C. Micromotives and Macrobehavior. New-York: Norton, 1978. 256 p.
15. Squire J.S. If; or, History Rewritten. New-York: The Viking Press, 1931. 379 p.

ON THE HISTORY OF THE THOUGHT EXPERIMENT METHOD APPLICATION IN SOCIAL SCIENCES

S.V. Baldanov

Russian State University of Humanities, Moscow

The article is aimed at tracing back the process of gradual inclusion of the thought experiment method in the set of scholarly tools of socio-historical knowledge. It reveals how the use of counterfactual mental experimentation developed from «leisure for the learned mind» to a sufficiently significant scientific method and became the basis for the emergence of new trends in contemporary socio-economic history. The need to take into account the «objective possibilities» and ideal-typical constructions in this field of research is examined. In this perspective, the opportunity of application of the thought experiment method in sociology is demonstrated. A characteristic feature of the mental experiment content in social sciences is the modeling and quantitative evaluations inclusion within its context.

Keywords: *thought experiment, path dependence, T. Shelling, counterfactual thought experiments, QWERTY-effect.*

Об авторе:

БАЛДАНОВ Сергей Владимирович – аспирант, кафедра современных проблем философии, философский факультет, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: baldanov.s@live.ru

Author information:

BALDANOV Sergey Vladimirovich – Ph. D. student of the Dept. of Contemporary philosophy problems, Russian State University of Humanities, Moscow. E-mail: baldanov.s@live.ru